

Вторникъ, 26 мая 1909 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

№ 740.

По театрамъ и садамъ.

Въ „Лѣтнемъ фарсѣ“ 24 мая, впервые передъ борцовой и фарсовой публикой, раздалися проникновенныя, скорбныя слова Достоевскаго и веселыя и жуткія смѣхъ Чехова. Пусть иные изъ посѣтителей, разочарованно пожимали плечами и говорили: Къ чему эта литература! Великіе русскіе писатели блещутъ и на открытыхъ подмосткахъ, какъ свѣтъ, и во тьмѣ свѣтящій. Жалуются, что безъ раздѣвальныхъ фарсовъ и при чемпионатѣ борцовъ безъ „черныхъ масокъ“ или студентовъ не ходить сюда гвардейцы, пижоны и кокетки и отъ того скучаютъ въ акваріумѣ живыя стерледи и не разстрѣливается батарея шампанскаго. Но это уже не область искусства... Да и опыты прошлыхъ сезоновъ показали, что фарсѣ, какъ цинизмъ, изжилъ свой вѣкъ— и зимой и лѣтомъ фарсовые театры стали работать въ убытокъ. Репертуаръ, вводимый въ „Лѣтнемъ Фарсѣ“ въ нынѣшнемъ году, разнообразенъ, новъ, оригиналенъ, мы думаемъ, долженъ привиться и, кажется, прививается... Милая бездѣлушка г. Тэффи „Алмазная пыль“ съ изящной г-жей Максимовой смотрится не безъ любопытства. Въ „Преступленіи и наказаніи“ роль Раскольниковъ исполнѣ удачно проводить г. Неволинъ, у котораго для этого хватаетъ и мимики и „неврастеническаго“ тона. Хорошаго слѣдователя даетъ г. Петровичъ, хищной птицей обхаживающій добычу; пожалуй, слишкомъ много хищности, жестокости, не смягченной даже отдѣльнымъ монологомъ съ сожалѣніемъ о загубленной жизни недюжиннаго юноши; вѣскольکو теряетъ эта пьеса настроеній отъ того, что на открытой сценѣ тонкіе нюансы въ голосѣ или пропадаютъ, оставаясь неслышными. Или же должны вестись громко, въ противорѣчій со смысломъ. Чеховская „Хирургія“ съ великолѣпнымъ монашескомъ (г. Курихинъ) вызывала неудержимый хохотъ; Курихина—хоть рисуй! Самая картина—на уменьшенной сценѣ—очень эффектна: